

УДК 111.6

«Железная клетка» М. Вебера как образ возможной защиты человека

Асташова Надежда Дмитриевна

Аспирант,

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23;
e-mail: nadya.astashova@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется понятие рациональности в экономической реальности. О последствиях развития экономической рациональности до уровня социальных процессов говорил еще М. Вебер в начале XX века. Предложенный им образ «железной клетки» приводится как отражение состояния современных экономических систем, задающих самим себе критерии собственной рациональности, формирующих собственную онтологию. Изучается влияние рациональной системы на чувственный мир человека. Делается вывод о том, что рациональность вытесняет и подменяет собой многие человеческие ценности. Выход автор видит в следующем: аксиология «железной клетки» должна измениться в сторону защиты человека от антигуманного, деонтологизирующего воздействия на него со стороны экономической реальности, испытывающей на себе те же процессы омертвления и деградации.

Для цитирования в научных исследованиях

Асташова Н.Д. «Железная клетка» М. Вебера как образ возможной защиты человека // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 2. С. 28-34.

Ключевые слова

Рациональность, «железная клетка», общество, бытие, экономическая реальность.

Введение

Максимальная прибыль при минимизации усилий – эта традиционная экономическая идеология сегодня, чтобы быть устойчивой, распространяет свой ракурс оценки бытия на социальные, политические, даже культурные процессы и явления. Сугубая рациональность, экономическая эффективность (прибыльность) становятся мерилами бытийного соответ-

ствия тех или иных феноменов общественной жизни человеческому «Я». Таким образом, формирование онтологии сегодня начинает сводиться ко все более крупным смысловым блокам, самый смысл существования которых замешан на антигуманной по сути своей идеологии «эффективности» [Новикова, 2014]. Лидирующее место здесь занимают крупные корпорации, значение которых выходит далеко за пределы чисто экономической рациональности («культовость» корпораций Apple, Microsoft и т. д.). Данное обстоятельство накладывает отпечаток на традиционное для Запада понятие рациональности, переводя картезианское *cogito* в сугубо экономический регистр. Так, успех напрямую связан с экономической прибылью, которую можно назвать эффективной и рациональной. «Рациональность всякой деятельности, – пишет И.Т. Касавин, – состоит в ее способности наиболее эффективно и с наименьшей затратой сил удовлетворять некоторую социальную потребность», «некоторая потребность является рациональной, если ее удовлетворение способствует социальному прогрессу, нерациональной – если она не имеет к нему реального отношения, и иррациональной – если она противоречит ему» [Касавин, 1985, 64-65]. Однако в экономической реальности данная характеристика рациональности уже не является достаточной, особенно в контексте постнеклассических, по выражению академика Степина, саморазвивающихся систем, которые сами себе устанавливают ценностные критерии своего развития [Степин, 2013]. Особенно ярко эта дилемма проявляется в экономической реальности.

Собственно, о нынешней ситуации пророчески предупреждал еще М. Вебер в начале XX века, говоря о последствиях развития экономической рациональности до уровня социальных процессов. Выдвинутая им теория «железной клетки», на наш взгляд, наиболее полно отражает состояние современных экономических систем, задающих самим себе критерии собственной рациональности, формирующих собственную онтологию. Подчиненность обычного человека императивам, диктату экономической рациональности особенно отчетливо проявляется в феномене торговых центров как материализованных объектов новой онтологии.

Теория «железной клетки» М. Вебера

Согласно Веберу, именно эффективность средств для организации практик и институтов современного общества, ставшая самоцелью капиталистического общества, приводит к необратимости процессов тотальной рационализации всех сфер общественной жизни. Проявление этой рационализации – постепенное увеличение управляемости поведением индивидов и институтов. Именно рационализация деловой активности привела к впечатляющему экономическому росту, но и создала «железную клетку» («стальной панцирь») рациональности – суровый образ детерминированности человеческого поведения в экономической реальности¹.

1 Железная клетка (*iron cage*) – образ, использованный американским переводчиком Вебера Т. Парсонсом, в переводе М. Левиной – «стальной панцирь» (см.: [Вебер, 1990]).

Таким образом, рационализм, будучи стержнем «грандиозного космоса современного хозяйственного устройства», подвергает «неодолимому принуждению каждого отдельного человека, формируя его жизненный стиль, причем не только тех людей, которые непосредственно связаны с ним своей деятельностью, а вообще всех ввергнутых в этот механизм с момента рождения» [Вебер, Протестантская этика..., 1990, 206].

Однако вполне логичным в этой связи является и то, что «железная клетка» начинает ограничивать собой самые широкие аспекты жизни общества. Ведь рационализация жизни, как отмечает М. Вебер в работе «Наука как призвание и профессия», означает крайне низкую осведомленность современного человека относительно жизненных условий своего существования. Продолжая этот образ, Джеффри Александер говорит о «мертвой руке современности», которая обуславливает все современные процессы, определяя и социальные действия, и культуру, и общественные движения. «Запертость» в веберовской «железной клетке», по мнению автора, коррелирует с тотальной зависимостью от «марксовых законов обмена» [Alexander, 1992, 293].

Другая особенность «железной клетки» в условиях глобализации – это возможность коммерческих корпораций копировать самих себя в любой точке мира, невзирая на индивидуальные и национальные особенности существования (вспомним, к примеру, «стандарты» корпорации «МакДоналдс» как в отношении поведения человека, так и в отношении состава пищи). Попадающему в такую систему человеку нет никакой возможности проявить собственную индивидуальность, творческое начало, инициативу вне установленных рамок [Димаджо, Пауэлл, 2010]. Все нормы поведения запротоколированы, «развитие» в рационализированной системе может произойти только по «правилам». Таким образом, «клетка» начинает ограничивать не только формальные стороны бытия, но и структуры сознания, подлинных человеческих отношений.

Не случайно Хабермас противопоставляет возрастающую рациональность социальных систем и жизненный мир. Рационализация жизненного мира вызывает усиление соответствующих процессов в коммуникативном действии. Рациональные структуры, вместо того чтобы увеличивать способность к коммуникации и достижению понимания, ужесточают внешний контроль, жизненный мир колонизируется системой [Хабермас, 2002].

Есть ли способы ответа личности на императивы «железной клетки»? Процесс полного ухода от рационализма современного мира сегодня остается дискуссионным, поскольку «рациональные клетки» плотно пронизывают капиталистическую систему.

«Век механического окостенения, преисполненный судорожных попыток людей поверить в свою значимость» [Вебер, Протестантская этика..., 1990, 207], сегодня обретает новые черты в связи с развитием биотехнологий, когда в эпоху постгуманизма технологические внедрения в человеческое тело и сознание также начинают проявлять свою изначальную, тотальную рациональность. Следует заметить, однако, что принципы разграничения бытия, формирования его значимых и знаемых границ есть важное условие формирова-

ния любой онтологии, в том числе и экономической. Это, в частности, можно вычитать у В.Н. Поруса, утверждающего, что «рациональность у Вебера – это не частная характеристика тех или иных общественных процессов. Это принцип культуры, первенствующий в системе культурных универсалий. Значит, другие культурные ценности, будучи подчинены принципу рациональности, должны вобрать его действие в себя, так сказать, проникаясь им, согласуясь с ним» [Порус, 2011, 29]. Ведь культура, согласно известным утверждениям, есть система естественных ограничений, сдерживающих человеческое своеволие, ограничивающая античеловечность. Когда она ослабевает, противоречия между жизнью и культурой нарастают, культурные принципы перестают быть сознательными ориентирами для большинства людских поступков, их ценность падает, а власть становится иллюзорной. Чтобы этого не произошло (то есть чтобы предотвратить кризис культуры), необходимо создавать и укреплять институты власти, которые могли бы удержать культуру от распада [там же].

Столкновение экономической рациональности с гуманистическими ценностями приводит к размыванию очертаний бытия, «тотальный рационализм», по Веберу, перестает быть таковым. Тем не менее рациональная система продолжает выполнять свою функцию – ведь ее железная хватка напрочь отменяет «пустые и бесцельные движения». Очарование и тайна человеческого существования сменяется плоским, логичным и рутинным миром, где все ясно и просто. Речь, по Веберу, о «расколдовывании» западного мира под воздействием рационализации как идеологии [Вебер, Наука..., 1990]. Рациональность делает мир чувств и эмоций блеклым подобием возможного «истинного» мира во всей полноте ощущений...

Заключение

Таким образом, веберовская метафора приводит нас к пониманию причин тотального отчуждения как чувственного ответа на отделившуюся от человека, омертвевшую рациональность. Об этом кризисе отношений человека (*cogito*) и мира пишут многие (от С. Кьеркегора и К. Маркса до Э. Фромма, С. де Бовуар и Ж.-П. Сартра) уже два столетия кряду, а тем временем формы отчуждения лишь нарастают. Сегодня выход из этого тупика видится лишь в возвращении человеку право на *cogito*, узурпированное у него экономическими системами. Ведь совершенно прав В.Н. Порус, говоря, что «культура без рациональности или с недоразвитой рациональностью подобна умалишенному, культура, в которой рациональность вытесняет и подменяет собой все или многие иные человеческие ценности, подобна умирающему от жажды» [Порус, 2002]. Аксиология «железной клетки» может и должна измениться в сторону защиты человека от антигуманного, деонтологизирующего воздействия на него со стороны экономической реальности, испытывающей на себе те же процессы омертвения и деградации.

Библиография

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707-736.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61-273.
3. Димаджио П., Пауэлл У.В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1. С. 34-56.
4. Касавин И.Т. О социальном содержании понятия «рациональность» // Философские науки. 1985. № 6. С. 64-65.
5. Новикова Е.Ю. Парадигмы социологии и экономическая рациональность // Международная торговля и торговая политика. 2014. № 9 (88). С. 107-116.
6. Порус В.Н. Имитация рациональности: симулякры бюрократии // Политическая концептология. 2011. № 3. С. 26-37.
7. Порус В.Н. Рациональность, наука, культура. М.: УРАО, 2002. 352 с.
8. Степин В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. С. 45-59.
9. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Баньковская С.П. (ред.) Теоретическая социология: антология в 2 частях. М.: Университет, 2002. Ч. 2. С. 151-160.
10. Alexander J. The promise of a cultural sociology: technological discourse and the sacred and profane information machine // Munch R., Smelser N.J. (eds.) Theory of culture. Berkeley: California University Press, 1992. P. 293-323.

The "Iron cage" of M. Weber as a possible way to protect Man

Nadezhda D. Astashova

Postgraduate,

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,

603950, 23 Gagarina ave., Nizhny Novgorod, Russian Federation;

e-mail: nadya.astashova@mail.ru

Abstract

The article analyzes the concept of rationality in economic reality and the consequences of its being inherent in social life. At the beginning of the twentieth century, Max Weber pro-

posed an image of the "iron cage" as a reflection of the state of modern economic systems that define their own criteria of rationality and create their own ontology. It's the rationalization of business activities that has led to impressive economic growth, but it also created the "iron cage" ("steel shell") of rationality – a harsh image of the determinism of human behaviour in economic reality. Rationalism, as the core of "the grand space of the modern economic unit", determines the irresistible compulsions of every individual, forming his lifestyle. Based on Weber's metaphor, the article reveals the causes of total alienation as the sensory response to the rationality that has parted man from his humanity. The paper examines the effect of a rational system on the sensual world of man, and it concludes that rationality displaces and replaces a lot of human values. The author believes that rationality experiences the processes of degradation and necrosis. The paper holds that the way out of this dead end can only be a return of the human being to his entitlement to *cogito*, which has been usurped by the economic systems. The author suggests that the axiology of "iron cage" should be directed towards the protection of people from the inhumane, de-ontologizing side of rationality.

For citation

Astashova N.D. (2016) "Zheleznaya kletka" M. Vebera kak obraz vozmozhnoi zashchity cheloveka [The "Iron cage" of M. Weber as a possible way to protect Man]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 2, pp. 28-34.

Keywords

Rationality, "iron cage", society, being, economic reality.

References

1. Alexander J. (1992) The promise of a cultural sociology: technological discourse and the sacred and profane information machine. In: Munch R., Smelser N.J. (eds.) *Theory of culture*. Berkeley: California University Press, pp. 293-323.
2. DiMaggio P., Powell W. (1983) The Iron Cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational theory. *American sociological review*, 48, pp. 146-160. (Russ. ed.: Dimadzhio P., Pauell U.V. (2010) Novyi vzglyad na "zheleznuyu kletku": institutsional'nyi izomorfizm i kollektivnaya ratsional'nost' v organizatsionnykh polyakh. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology], 11 (1), pp. 34-56.).
3. Habermas J. (1985) Das Verhältnis zwischen System und Lebenswelt im Spätkapitalismus. In: *Theorie der Kommunikativen Handelns*, Bd. 2. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, S. 504-522. (Russ. ed.: Khabermas Yu. (2002) Otnosheniya mezhdu sistemoi i zhiznennym mirom v usloviyakh pozdnego kapitalizma [The relationship between system and life-world in the

- conditions of late capitalism]. In: Ban'kovskaya S.P. (ed.) *Teoreticheskaya sotsiologiya: antologiya v 2 chastyakh* [Theoretical sociology: an anthology in 2 parts], P. 2. Moscow: University Publ., pp. 151-160.)
4. Kasavin I.T. (1985) O sotsial'nom sodержanii ponyatiya "ratsional'nost'" [On the social content of the concept of "rationality"]. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences], 6, pp. 64-65.
 5. Novikova E.Yu. (2014) Paradigmy sotsiologii i ekonomicheskaya ratsional'nost' [The paradigms of sociology and economic rationality]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika* [International trade and trade policy], 9 (88), pp. 107-116.
 6. Porus V. N. (2011) Imitatsiya ratsional'nosti: simulyakry byurokratii [Imitation of the rationality: simulacrum of the bureaucracy]. *Politicheskaya kontseptologiya* [Political conceptology], 3, pp. 26-37.
 7. Porus V.N. (2002) *Ratsional'nost', nauka, kul'tura* [Rationality, science, and culture]. Moscow: University of Russian Academy of Education.
 8. Stepin V.S. (2013) Tipy nauchnoi ratsional'nosti i sinergeticheskaya paradigma [Types of scientific rationality and synergetic paradigm]. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika* [Complexity. Mind. Post non-classicism], 4, pp. 45-59.
 9. Weber M. (1934) *Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus*. Tübingen: Mohr. (Russ. ed.: Veber M. (1990) *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma*. In: *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Progress Publ., pp. 61-273.)
 10. Weber M. (1917) *Wissenschaft als Beruf*. Tübingen: Mohr. (Russ. ed.: Veber M. (1990) *Nauka kak prizvanie i professiya*. In: *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Progress Publ., pp. 707-736.)